

**Зырянов Михаил Сергеевич, Кашпур Валерия Викторовна,
Андреева Татьяна Леонидовна**

Томский государственный университет

Томск, Российская Федерация

airbourne@sibmail.com, valkashpur@inbox.ru, andreeva.tl2012@mail.ru

«Свой»: анализ языковой репрезентации и моделирование категории (на материале существительных, функционирующих в текстах российских и американских СМИ о вооруженном конфликте в Сирии)

Аннотация

В статье предпринята попытка описания лексической репрезентации семантической категории «свой» посредством имени существительного в текстах СМИ, освещающих вооружённый конфликт в Сирии, за 2015–2016 гг. В ходе анализа российских и американских текстов было выявлено 1163 и 864 существительных соответственно, которые были распределены по 10 лексико-семантическим группам (ЛСГ). На основе полученных результатов построена авторская модель категории «свой» и произведено сопоставление её актуализаций в российском и американском корпусах текстов. «Свой» – это субъект («номинации»), обладающий определёнными характеристиками («форма и структура», «качества и атрибуты», «противопоставление»), по определённым причинам («мотивация») действующий определённым образом («деятельность», «взаимодействие с союзником / собой», «взаимодействие с “чужим”») с определённым результатом («внешние последствия деятельности», «внутренние последствия деятельности»). Национальная специфика заключается в разной степени актуализации смыслов, выраженных существительными, репрезентирующими данные ЛСГ. Российский «свой» при экспликации содержания демонстрирует направленность вовнутрь, «вглубь», акцентируя содержательный элемент категории, а американский – вовне, «вширь», акцентируя её описательный элемент. Первый при контакте ориентирован больше на эмпатию, а второй – на организованное взаимодействие. Для российского «своего» более значимы действия по предотвращению деятельности «чужого», т. е. по защите себя, союзников и ценностей от посягательств.

Ключевые слова: «свой», имя существительное, модель, сопоставление, информационное противоборство, вооружённый конфликт, Сирия.

© Зырянов М. С., Кашпур В. В., Андреева Т. Л. 2021

Для цитирования: Зырянов М. С., Кашпур В. В., Андреева Т. Л. «Свой»: анализ языковой репрезентации и моделирование категории (на материале существительных, функционирующих в текстах российских и американских СМИ о вооруженном конфликте в Сирии) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 46–62. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62.

1. Введение [Introduction]

В основе любой культуры лежит разделение мира на пространство «наше» / «своё» / «безопасное» / «гармонически организованное» и «их» / «чужое» / «враждебное» / «опасное» / «хаотичное» [Лотман, 1996, с. 175], причём подобное противопоставление пронизывает «всякое коллективное, массовое, народное, национальное мироощущение» [Степанов, 1997, с. 472 ; Балашова, 2014]. Каждому феномену соответствует его «отражение», искажённое тем или иным образом. Б. Ф. Поршнев считает, что первичен в этом дуализме «чужой», а «свой» (Поршнев использует концепты «Мы» и «Они») возникает лишь на базе выявления отличий от «чужого» [Поршнев,

1979, с. 44–72]. Эту точку зрения разделяют Е. А. Гапанович и Н. С. Смольникова [Гапанович, 2012, с. 12], а также В. Г. Лысенко, указывающий, что собственно познание «чужого» как таковое служит самопознанию [Лысенко, 2010, с. 90–102]. Ю. М. Лотман придерживается противоположной позиции – реальный «чужой» непознаваем, все отличия между «своим» и гипотетическим «чужим» культура лишь предполагает, но не фиксирует: «...никакое “мы” не может существовать, если отсутствуют “они”, культура создаёт не только свой тип внутренней организации, но и свой тип внешней “дезорганизации”. <...> Безразлично, видит ли данная культура в «варваре» спасителя или врага, <...> она имеет дело с конструктом, построенным как её собственное перевёрнутое отражение» [Лотман, 1996, с. 192]. Э. Гуссерль полагает, что «чужой» («Другой») является активным членом оппозиции, поскольку своими действиями «творит» себя для воспринимающего, наравне с ним определяет смыслы мира и, по существу, выступает точкой отсчёта для Я [Гуссерль, 1997, с. 28–44].

А. А. Матвеева категорию «свой – чужой» рассматривает сквозь призму оценочной параметризации, выделяя оппозиции положительной и отрицательной, эксплицитной и имплицитной, абсолютной и сравнительной, субъективной и объективной, рациональной и эмоциональной, общей и частной оценки [Матвеева, 2011]. М. Л. Лаптева определяет оппозицию «свой – чужой» как концептосферу, относящуюся к культурно-значимому фрагменту картины мира, отражённому сознанием [Лаптева, 2013]. Концепт «свой – чужой» подробно анализируется Л. А. Кранышевой на материале рассказов о войне через противопоставление двух лингвокультур – советской и культуры инакомыслия, имеющей антисоветский характер [Кранышева, 2008]. Согласно Ю. А. Храмовой, «свой – чужой» как концептуальная диада отражает противоречивые образы, проявляемые в контрадикторности социального положения, статусных, качеств личности и т. п. и базирующиеся на столкновении общественных и индивидуальных интересов, противопоставлении эмоционального и рационального начал и т. д. [Храмова, 2010].

В целом, семантическая оппозиция «свой – чужой» является одной из основных предлогических бинарных парадигм мышления, она используется во всех видах человеческой деятельности и обладает иерархической структурой, базирующейся на различных уровнях противопоставления: во-первых, противопоставление себя окружающему миру (оппозиция «Я – Другое» / «Я – Оно»), во-вторых, своей личности – другой индивидуальности («Я – Ты»), в-третьих, собственной личности – первичной социальной группе («Я – Мы» / «Я – Вы») и, в-четвёртых, группы, членом которой является индивид, другой социальной группе («Мы – Они» / «Мы – Вы»).

Граница между «своим» и «чужим» может проходить по линии раздела таких категорий, как пространство («центр – периферия», «верх – низ»), время («прошлое – настоящее»), язык («родной – неродной»), человек («человеческое – нечеловеческое»), принадлежность к чему- или кому-либо («внутреннее – внешнее»), кровное родство («член семьи – чужак»), возраст («старое – новое»), пол и гендер («мужчина – женщина», «гомосексуальность – гетеросексуальность»), степень близости («близко – далеко»), религия («вера – суеверия», «бог – дьявол»), этнос («родной – неродной») и др. Также на основе оппозиции «свой – чужой» строятся дихотомии моральных категорий («добро – зло») и различные концептуальные диады, предполагающие сочетание и контраст взаимоисключающих понятий из области ценностной системы человека как такового («жизнь – смерть», «здоровье – болезнь»).

Сама по себе оппозиция «свой – чужой» не содержит никакой объективной информации априорно однозначного характера и выступает в роли инструмента структурирования мира в целом и любой области восприятия и воздействия человека или группы в частности. Она представляет собой определённую рамку мышления, фокуси-

рующую внимание и акцентирующую определённые признаки тех или иных объектов и явлений, по отношению к которым она применяется. Оппозиция базируется на системе ценностей носителя и выполняет функции: 1) на уровне отдельной личности – структурирование (познание) мира и мышления (самопознание); 2) на уровне группы – идентификация, консолидация, предписание норм и различение.

Деление на «свое» и «чужое» способствует как упрощению понимания бесконечно сложной, многомерной и многофакторной реальности, так и формированию (выявлению) своего к ней отношения, что, с одной стороны, облегчает интерпретацию и взаимодействие, а с другой – провоцирует стереотипизацию мышления.

Мышление неразрывно связано с языком, язык же воплощается в речи, таким образом, оппозиция «свой – чужой» как неотъемлемая часть мышления находит своё место в области лингвистических исследований. Оппозиция активно используется как в устной, так и в письменной формах речи; прослеживается во всех видах дискурсов, в частности, в точке схождения публицистического, массмедийного и политического дискурсов, где и является основополагающей структурой: «семантика “свойственности – чуждости” является в политическом дискурсе базовым языковым механизмом в реализации стратегий и тактик, направленных на моделирование общественного сознания и корреляцию социальных действий» [Кишина, 2011, с. 177]. По мнению Е. И. Шейгал, «оппозиция “свой – чужие” представляет специфику политического дискурса, так же как оппозиция “добро – зло” является базовой для области морального, “прекрасное – безобразное” – в области эстетического ... любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичными по отношению к данной оппозиции»; при этом политический дискурс характеризуется как «непрекращающийся диалог – поединок ... в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление» [Шейгал, 2004, с. 31]. Идею о ведущей роли оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе поддерживает Л. Н. Синельникова, которая утверждает, что бинарная оппозиция «свой – чужой» всегда базируется на жёсткой аксиологической оппозиции: «свой» занимает место на шкале «хорошо», «правильно», «чужой» – на шкале «плохо», «неправильно», что коррелирует с основной функцией политического дискурса, а именно борьбой за власть [Синельникова, 2010]. Соответственно, здесь модель «свой – чужой» будет использоваться в качестве информационного оружия, за счёт своей универсальности позволяющего расслаивать реальность и перекраивать логические и культурные матрицы массового и индивидуального адресата радикальным образом, формируя общественное мнение и посредством этого – политически ангажированную общность, действующую в интересах субъекта.

В данном исследовании 1) выявляется и анализируется языковая репрезентация члена оппозиции «свой – чужой», категории «свой», реализованная посредством имени существительного, в российских и американских СМИ (в текстах, освещающих вооружённый конфликт в Сирии в 2015–2016 гг.), 2) выстраивается модель категории «свой» и сопоставляются её актуализации в российском и американском корпусах текстов.

2. Анализ языковой репрезентации и моделирование категории «свой» [Analyzing linguistic representation and modeling the category “Friend”]

Сирийский вооружённый конфликт стал ключевым для интересов России и США на Ближнем и Среднем Востоке во второй декаде XXI в., а государства-участники оказались вовлечены в широкомасштабное информационное противоборство, осуществляемое, в частности, посредством СМИ (также называемое информационной, или информационно-психологической войной).

Интерес к данной теме обусловлен несколькими факторами: а) этическим – глобализация и информатизация общества как расширяют поле применения информации, так и усиливают потенциал её вредоносного воздействия на все системы общества; б) инновационным – возникают новые площадки для реализации и функционирования «вечной» категории «свой – чужой»; например, современная информационно-психологическая война – одна из таких площадок; в) социальным – конструирование в сознании адресата дискурсивной реальности второго порядка приводит к изменению социальных практик и институтов в реальном мире; г) когнитивным – исследование функционирования категории в новой среде служит выявлению специфики познания мира и структурирования поступающей информации; д) психологическим – знание ключевых точек приложения информационного давления позволяет моделировать желаемое поведение и изучать результирующие психологические процессы.

В данном исследовании информационное противоборство (далее – ИП) понимается как комплекс целенаправленных коммуникативных действий, реализуемых субъектом в информационном пространстве посредством любых доступных каналов связи с целью обеспечения себе информационного превосходства и коррекции сознания адресата, черпающего из этого пространства, таким образом, чтобы вне зависимости от личных интересов адресата его деятельность (или бездеятельность) приносила пользу субъекту и служила делу осуществления его задач в реальном мире [Зырянов, 2017]. Осуществляемая деятельность носит коммуникативный характер, поскольку базируется на успешном информационном взаимодействии: вначале между субъектом (актором) и объектом (информационным пространством) – внедрение информации, затем между объектом и реципиентом (массовый и индивидуальный адресат, целевая аудитория) – воздействие на аудиторию и отклик, и снова между объектом и субъектом (обратная связь). Внедряемая информация носит манипулятивный или модифицирующий характер, она призвана повлиять на действия адресата путём коррекции его мотивации, т. е. изменения в когнитивной структуре адресата, производимые информационной атакой, должны повлечь за собой изменения в его поведенческой структуре, реальные последствия которых будут на пользу субъекту воздействия. Таким образом, вышеописанное воздействие носит информационно-психологический характер: при этом информационный аспект понимается прежде всего как целенаправленные действия по сообщению адресату сведений, уменьшающих неопределённость в той области, к которой они относятся (информирование), и сбор сведений о его реакции (в рамках данного исследования не ставится задача осветить структуру осуществления таковой обратной связи); под психологическим аспектом понимается изменение когнитивных, ценностных и поведенческих установок адресата по отношению к области информирования (реакция) вследствие полученных им сведений.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые производятся описание и сопоставительный анализ языковой репрезентации семантической оппозиции «свой – чужой» 1) в контексте изучения категории как лингвистического средства воздействия в информационной войне (ИП) XXI века; 2) на актуальном материале двух языковых систем; 3) в освещении вооружённого конфликта в точке геополитического и геостратегического значения, в который оба субъекта ИП непосредственно вовлечены. В статье предлагается авторская модель семантической категории «свой», в состав которой входят 10 компонентов – лексико-семантических групп (далее – ЛСГ), выделенных по результатам проведённого исследования.

Авторы опираются на онтологический и гносеологический подходы. В ходе исследования использованы следующие методы и приёмы: 1) метод научного описания (в его рамках применялся приём контекстного анализа с целью выявления языковых еди-

ниц и структур, реализующих семантику «свой – чужой»); 2) метод контент-анализа (статистический подсчёт специально выбранных текстовых единиц); 3) индуктивный метод (выявление общих ЛСГ на основании частных примеров их вербализации); 4) метод статистического анализа (для определения степени вариативности каждой ЛСГ); 5) методы синтеза и моделирования (построение цельной модели категории с учётом выделенных ЛСГ и их особенностей); 6) сопоставительный анализ, позволяющий выявить сходства и различия, общее и частное в составе и структуре модели на материале двух языковых систем (русский язык и американский английский).

Оппозиция «свой – чужой» может воплощаться на всех уровнях языка и речи, способных выражать оценочность и эмотивность, однако по общему признанию приоритетное положение занимают единицы лексического уровня [Кишина, 2009, с. 13; Богомазова, 2015, с. 42]. В рамках данного исследования внимание сосредоточено на существительных, реализующих семантику «свойственности» в анализируемых текстах.

«Свой» является неизменной составляющей информационного пространства субъекта, аккумулируя в себе воплощение базовых аспектов системы ценностей субъекта (индивида или группы). Применительно к группе «свой» функционирует как средство сплочения, объединяя её членов вокруг главных категориальных признаков принадлежности к данной группе. В то же время, будучи объектом реального мира или информационного пространства, «свой» неизменно наделяется положительными характеристиками, его деятельность интерпретируется как правильная, полезная и приятная, его способ существования в мире, являясь неотъемлемой частью самой его сути, выступает в качестве образца для подражания.

В ходе исследования методом сплошной выборки было проанализировано 500 текстов российских и американских СМИ, освещающих данный конфликт. В результате анализа исследовательское внимание было сосредоточено на 60 статьях объёмом до 3 тысяч знаков (достаточным для распространённого описания ситуаций), опубликованных в следующих источниках: 1) российский корпус: «Аргументы и Факты», «Независимая газета», «Российская газета» (по 10 статей из каждой газеты); 2) американский корпус: «CNN», «Los Angeles Times», «New York Times» (так же по 10 статей); более 52000 слов в целом. Популярность обеспечивает этим СМИ обширность охвата аудитории и, следовательно, высокую актуальность используемых речевых средств, а их проправительственная ориентация обеспечивает однородность освещения событий.

В ходе исследования методом сплошной выборки было выявлено 2027 имён существительных, вербализующих семантическую категорию «свой»: 1163 существительных в российском корпусе и 864 – в американском. Отметим, что по количеству репрезентантов российский корпус превосходит американский в 1,346 раза. Формальными маркерами значения свойственности являлись: положительная коннотация употребляемых единиц (*эксперт, победитель, leader, activist* и др.), личные и притяжательные местоимения первого лица множественного числа, указывающие на категоризирующий субъект (*наши, мы, our, we*), прилагательные, указывающие на геополитическую принадлежность данного субъекта (*российские, U.S.*). Отметим, что при анализе не учитывались названия геополитических субъектов (или акторов) в силу нейтральности их лексического значения, однако они могут выполнять функцию маркеров «свойственности» (или «чуждости»). В содержательном плане нас интересовало то, как отвлечённый семантический потенциал встречающихся в корпусе имён существительных актуализируется при использовании того или иного существительного в качестве элемента конструирования модели «своего» с учётом непосредственного контекста (в рамках предложения), и то, какие существенные черты данной модели репрезентируются посредством означенной актуализации.

По результатам анализа контекстов для выявленных имён существительных выделены 10 ЛСГ, репрезентирующих категорию «свой». Для каждой группы приводятся пять наиболее частотных единиц и даются типичные контексты употребления:

1) номинации (идентификация и детерминация – существительные, определяющие и называющие «своего»):

в российском (рос.) корпусе (122 всего / 46 уникальных¹): *авиация* (15), *эксперт* (13), *военные* (10), *лётчики* (10), *руководство* (5): *Однако российские эксперты в эту версию американцев не верят, Наши лётчики потренировались...*;

в американском (амер.) корпусе (175 / 32): *rebels* (48), *leaders* (16), *activist* (16), *fighters* (13), *insurgents* (11): *Kerry is also meeting with world leaders interested in ousting Assad..., It's not hard to get into Raqqa. The problem, one prominent activist tells CNN, is getting out;*

2) форма и структура (организация надындивидуальных существования и деятельности):

рос. (70 / 19): *войска* (18), *армия* (12), *группировка* (4), *население* (3), *авиагруппа* (2): *...тяжёлое артиллерийское вооружение сирийских войск стреляет исключительно по вскрытым огневым точкам, Отсутствию сколько-нибудь заметных результатов антитеррористической операции американцев и их союзников были противопоставлены интенсивность и эффективность боевой работы авиагруппировки российских Воздушно-космических сил в Сирии;*

амер. (152 / 20): *groups* (39), *opposition* (29), *coalition* (21), *forces* (21), *people* (9): *Similarly, the failure of the West to stand up moderate opposition to al-Assad, its reluctance to engage capable Islamist groups such as Ahrar al Sham and help them take the battle to the regime, provided Russia with an opportunity to reshape the battlefield, Today, the deployment of Russian anti-air missiles and Su-30 interdiction fighters in Latakia demolishes any chance the coalition has of enforcing a no-fly zone in northern Syria free from al-Assad's barrel bombs;*

3) качества и атрибуты (всё, присущее образу; свойства и признаки материального и нематериального характера, выступающие как значимые черты «своего»):

рос. (183 / 101): *задачи* (10), *действия* (9), *интенсивность* (8), *возможность* (7), *цели* (6): *Свой оптимизм он [эксперт Евгений Сатановский] связывает с тем, что Москва ставит и выполняет конкретные задачи, а не занимается пиаром и рекламой, В этот день ВКС РФ продолжили наращивать интенсивность авиаударов по объектам «Исламского государства»;*

амер. (114 / 70): *options* (7), *strategy* (6), *approach* (5), *policy* (5), *reason* (4): *That approach involves new complications, Russia limits U.S. options in Syria;*

4) противопоставление (отсутствие / недостаточность / борьба; качество, признак или объект, оцениваемые отрицательно; либо отсутствие их у «своего» выступает положительным признаком, либо «свой» с ними борется – как в себе, так и вовне):

рос. (56 / 31): *огонь* (5), *террористы* (5), *угроза* (3), *боевики* (3), *проблемы* (2): *Стоит их [сирийские госструктуры] укрепить, и проблема начнет решаться, Дебаты могут стать одним из этапов целой череды шагов, предпринимаемых Россией с целью объединения усилий мировых держав для противодействия нарастающей с каждым днём угрозе со стороны «Исламского государства»;*

амер. (25 / 18): *militant* (3), *war* (3), *change* (2), *fear* (2), *terrorist* (2): *Still, officials acknowledged the risk that arms given to those groups could find their way to militants the U.S. opposes, We do not succumb to fear;*

5) мотивация (образ предмета потребности; объекты и явления, выступающие целями, ценностями и ориентирами):

¹ Под «уникальными» мы понимаем единицы языка без учёта количества их повторных включений в корпусе. Чем меньше доля уникальных единиц, тем больше в группе повторов отдельных лексем, и наоборот.

рос. (257 / 129): *перемирие* (14), *страна* (10), *задачи* (7), *дети* (6), *переговоры* (6): *Это [действия ВКС РФ в Сирии] позволило установить перемирие, начать доставку гуманитарных грузов и переговоры между сирийцами, Как и в любой войне, больше всего от нее страдают дети...;*

амер. (210 / 101): *people* (20), *solution* (9), *civilians* (9), *children* (7), *world* (6); *We also said that we needed a political solution for Syria..., The EU condemns the excessive, disproportionate and indiscriminate attacks that the Syrian regime continues to commit against its own people;*

б) деятельность (собственно действия, осуществляемые «своим» «по умолчанию», и их характер):

рос. (88 / 39): *работа* (12), *операция* (10), *усилия* (8), *действия* (6), *предложение* (4): *Очень важна будущая операция в районе городов Хомса и Хама, восстановление устойчивой связи между Дамаском и Средиземноморским побережьем, очистка северных провинций..., Но то, что американский министр обороны назвал «фундаментальной ошибкой» со стороны России, в регионе, напротив, приветствовали, увидев в действиях Москвы реальную военную поддержку своим усилиям в борьбе с террористами;*

амер. (67 / 34): *effort* (13), *deal* (4), *proposal* (4), *attempt* (4), *negotiations* (3): *U.S. defense officials have warned that Russia's move will inflame the civil war and set back efforts to drive out ISIS, The negotiations left open the thorny question of when Assad might leave power, and it was unclear whether he or disparate rebel groups fighting to topple him would sign on to any peace proposal;*

7) взаимодействие с союзником / собой (может включать действия по отношению к союзнику или другому «своему» либо их характер, а также формы взаимодействия с союзником):

рос. (108 / 50): *помощь* (13), *поддержка* (11), *взаимодействие* (6), *сотрудничество* (5), *партнёры* (4): *Под обстрел попала территория, куда ранее была направлена гуманитарная помощь..., При этом Россия и Франция пришли к согласию в том, что ведущее место в борьбе с ИГ на суше будет занимать Сирийская правительственная армия Башара Асада, а также войска «умеренной оппозиции» и курдов;*

амер. (40 / 16): *support* (8), *coalition* (6), *allies* (4), *aid* (4), *assistance* (3): *...and that opposition has always had our support, He insisted Russia was targeting the same militant groups as the U.S.-led coalition: IS, the al-Qaida-linked Nusra Front and other groups;*

8) взаимодействие с «чужим» (действия, предпринимаемые «своим» в отношении врагов):

рос. (208 / 45): *удары* (72), *борьба* (33), *авиаудары* (16), *бомбардировки* (10), *уничтожение* (6): *Как сказываются бомбардировки наших ВКС на боевиках и почему некоторые страны критикуют Россию за её действия в Сирии..., Иными словами, Пентагон отказывается сообщить Минобороны РФ сведения о позициях боевиков «Исламского государства», потому что их уничтожение не отвечает интересам американской стороны...;*

амер. (70 / 33): *airstrikes* (12), *strike* (6), *concern* (6), *sanctions* (4), *operation* (4): *Sanctions were the preferred option – cautious but eventually damaging, ...ISIS is trying to make buildings less of a target for coalition airstrikes;*

9) внешние последствия деятельности (результат существования «своего» для окружающей среды и других):

рос. (24 / 8): *урегулирование* (6), *соглашение* (5), *разрешение* (3), *эффект* (3), *освобождение* (2): *Россия и США обсудили ход выполнения плана по мирному урегулированию сирийского конфликта, Но до победы сирийских войск и полного освобождения от боевиков Сирии далеко;*

амер. (7 / 6): *resolution* (2), *overcome* (1), *establishment* (1), *stabilization* (1), *wonder* (1): *Schultz, who specializes in international conflict and conflict resolution, pointed to the solution reached in Bosnia some 20 years ago... , It is some wonder, then, that Erhaim took the incredible step of moving to Aleppo from London, where she got her Master's degree;*

10) внутренние последствия деятельности (результат «для себя», логическое развитие жизненного цикла и собственно действий):

рос. (47 / 13): *результат* (28), *успех* (5), *подтверждение* (3), *победа* (2), *достижение* (1): **Победа** над такими организациями, как ИГ – дело времени, В Сирии мы имеем блестящий **результат**;

амер. (4 / 3): *success* (2), *headway* (1), *results* (1): *...a group that is capable, motivated on the ground and you can enable their success, ...the United States was making headway in the struggle against terrorism....*

Таким образом, в исследуемых российских и американских текстах категория «свой» представлена набором ЛСГ, позволяющим выстроить модель данной категории. «Свой» – это некто («номинации»), обладающий определёнными характеристиками («форма и структура», «качества и атрибуты», «противопоставление»), действующий определённым образом («деятельность», «взаимодействие с союзником / собой», «взаимодействие с “чужим”», «внешние последствия деятельности», «внутренние последствия деятельности») по определённым причинам («мотивация»).

Набор ЛСГ, единицы которых участвуют в вербализации категории «свой», является универсальным, однако частотность употребляемых единиц и, следовательно, иерархия смыслов, различна в российском и американском корпусах.

Основными (по количественным показателям) ЛСГ, репрезентирующими категорию «свой» в проанализированных текстах, являются:

а) для российского корпуса:

«мотивация» (257 единиц, 129 уникальных единиц, 22,10% от всех репрезентантов в корпусе); представлена единицами, обозначающими объекты-мотиваторы, задающие вектор для организации деятельности «своего», сюда входит всё, подлежащее защите (люди и явления), непосредственные цели (материального и нематериального характера), ценности (также) и ориентиры, а также формы интенции. Рассмотрим примеры:

1. *Это будет ничья, которая похоронит нашу планету, поэтому главный фронт – информационный, борьба за мировое общественное мнение.* В данном контексте вербализуются два смысла: во-первых, планету необходимо защищать, поэтому любая деятельность, наносящая ей вред, должна пресекаться; во-вторых, общественное мнение важно для «своего», как и взаимодействие с носителями различных мнений.

2. *Мы требуем от Вашингтона полных и детальных объяснений – это целенаправленная поддержка ИГИЛ, или очередная ошибка.* Заявленная тактическая цель «своего» состоит в том, чтобы получить объяснения по поводу осознанной или неосознанной поддержки одним «чужим» деструктивной деятельности другого «чужого».

3. *Множество памятников за время войны уничтожено и в других частях страны.* Памятники культуры, как и культура в целом, относятся к ценностям, которые также необходимо оберегать от посягательств «чужого», их уничтожение «своим» расценивается как акт непосредственной агрессии в сторону всего человечества и себя лично;

«взаимодействие с “чужим”» (208 / 45, 17,88%); ЛСГ включает единицы, репрезентирующие отношение к «чужому» и характер непосредственного контакта с ним, направленного на уничтожение или подавление его. Рассмотрим примеры:

1. *В первый же день российские самолеты нанесли несколько ударов по объектам «ИГ» в Сирии.* По «чужому» наносятся авиаудары, при этом сам «чужой» низводится до уровня «объекта». Вкрапления военной лексики (*объект, отработать* и

аналогичные языковые единицы) встречаются регулярно и свидетельствуют об общей «милитаризованности» описания контакта с «чужим», что обусловлено и гипертемой всех исследованных текстов, а именно – освещением вооруженной борьбы с участием регулярных войск и паравоенных подразделений.

2. *Рассматривался ход реализации российско-американской договоренности от 9 сентября, предусматривающей укрепление режима прекращения боевых действий (РПБД) в Сирии, доставку гуманитарной помощи мирному населению и совместную борьбу с террористами.* С «чужим» следует бороться, в том числе – сообща, поскольку его деятельность вредоносна и опасна для всех остальных.

3. *Как заявила официальный представитель МИД России Мария Захарова, если раньше у РФ были подозрения, что выгораживается «Джебхат ан-Нусра», то теперь можно сделать страшный вывод – «Белый дом США защищает ИГИЛ».* «Свой» настороже, по отношению к «чужим» проявляет бдительность и подозрительность;

«качества и атрибуты» (183 / 101, 15,74%); группа включает единицы, обозначающие как собственно качества и атрибуты, так и любые свойства и признаки, значимые для описания фигуры «своего». Рассмотрим примеры:

1. *Российская авиация в настоящий момент нанесла несколько десятков ударов, при этом их эффективность больше, чем эффективность американских.* Абстрактное понятие эффективность охватывает любую деятельность «своего», в частности, по противодействию «чужим» (в данном случае речь идет о группировке ИГ, на которую производится атака, и коалиции, возглавляемой США, каковой предписывается атаковать ИГ и приписывается неэффективность в этом).

2. *При этом наши военнослужащие – и солдаты, и офицеры – проявили профессионализм, слаженность, умение организовать эту боевую работу вдали от своей территории...* Указанные качества по преимуществу характеризуют компетенции (в том числе профессиональные) в области выполнения любых действий, осуществляемых как в индивидуальном, так и в групповом порядке, что подчеркивает вышеупомянутую общую эффективность «своего» и его высокую функциональность в организованном групповом взаимодействии, свидетельствующую о развитой эмпатии.

3. *Президент отдельно поблагодарил личный состав, участвующий в операции на Ближнем Востоке, за профессионализм и мужество, отметив, что армия и флот «остаются надёжным гарантом суверенитета страны, играют ключевую роль в обеспечении глобальной и региональной безопасности».* Сочетая профессиональные качества с личными (мужество), «свой» выступает гарантом суверенитета либо обладает таковым гарантом, при этом *армия и флот* как атрибуты / форма существования «своего» вступают в системные отношения с другими элементами структуры его организованного существования (*ключевая роль*);

б) для американского корпуса:

«мотивация» (210 / 101, 24,31%):

1. *I belong to the people who raged against the regime in 2011, demanding their basic rights.* «Свой» требует соблюдения неотчуждаемых прав, каковые можно также отнести к «качествам и атрибутам» как присущие или должные быть присущими ему; при этом он, во-первых, готов к борьбе с превосходящими силами – в частности, защита попираемых прав легитимирует открытое сопротивление с собственным государством, а во-вторых, ментально неотделим от других людей.

2. *She [гражданка Сирии, журналистка] is trying, she said, to «speak more about life».* Для «своего» важна жизнь: как на уровне организации быта, так и на уровне идеи. Он стремится сделать сохранение жизни центральной или одной из основополагающих частей своего дискурса; отсюда, интенции «своего» носят жизнеутверждающий и созидательный характер.

3. *Since then, the Islamic extremists have beheaded the antiquities expert who looked after the ruins and set about demolishing their architectural riches.* Аналогично российскому примеру 3, здесь «свой» подвергается атаке через посягательство «чужого» (ИГ) на культурные ценности, являющиеся общечеловеческим достоянием, которое «свой» неизменно защищает;

«номинации» (175 / 32, 20,25%); как правило, нарицательные существительные, используемые для вербализации «своего», обладают той или иной положительной коннотацией: так, в приведённых ниже примерах «свой» реализуется как личность активная (*активист*), обладающая выдающимися знаниями (*учёный*) и полномочиями (*командир*):

1. *The problem, one prominent activist tells CNN, is getting out.*

2. *As a scholar, I mourn the ongoing obliteration of one of the most fascinating cities of the Ancient World, a symbol of cultural diversity and religious tolerance.*

3. *If the new plan works, those commanders will receive the equipment, distribute it among their units and push into territory controlled by Islamic State;*

«форма и структура» (152 / 20, 17,59%); единицы, обозначающие организованное объединение, при этом подчёркивается либо организованность («группа»), либо объединённость вплоть до уровня обезличивания («коалиция» / «силы»):

1. *Allies in a U.S.-led coalition that is conducting its own air campaign in Syria called on Russia to cease attacks on the Syrian opposition and to focus on fighting the Islamic State group.*

2. *We will monitor the progress these groups make and provide them with air support as they take the fight to ISIL.*

3. *In Washington, President Barack Obama said Russia's military campaign fails to distinguish between terrorist groups and moderate rebel forces with a legitimate interest in a negotiated end to the civil war.*

Отметим совпадение наиболее частотной ЛСГ – «мотивация» – для текстов российского и американского корпусов: для «своего» значимо вербализовать причины, которые побуждают его к действию. В американских текстах репрезентация категории «свой» преимущественно базируется на внешнем описании («номинации», «форма и структура»), в то время как в российских текстах важным представляется описать «своего» как обладателя определённых положительных черт («качества и атрибуты») и действующего субъекта («взаимодействие с “чужим”»).

Остальные ЛСГ (по количественному показателю) располагаются следующим образом:

а) российский корпус: «номинации», «взаимодействие с союзником / собой», «деятельность», «форма и структура», «противопоставление», «внутренние последствия деятельности», «внешние последствия деятельности»;

б) американский корпус: «качества и атрибуты», «взаимодействие с “чужим”», «деятельность», «взаимодействие с союзником / собой», «противопоставление», «внешние последствия деятельности», «внутренние последствия деятельности».

Логика экспликации семантики «свойственности», выявленная при анализе трёх самых частотных ЛСГ, прослеживается и в иерархии оставшихся групп. В оставшемся сегменте российского корпуса семантика выстраивается от названия «своего», описания его деятельности, к формальным его сторонам, по принципу от внутреннего (содержательного) к внешнему (описательному): «внутренние последствия деятельности», затем «внешние последствия деятельности». В американском корпусе на четвёртом месте количественно находится группа, содержательно характеризующая «своего», далее, как и в российском, следует описание его деятельности, а также её последствия, но, в отличие от российского, уже от внешних к внутренним.

В приведённых ниже таблицах отражены результаты контент-анализа и статистического анализа корпусов российских (см. табл. 1) и американских (см. табл. 2) текстов СМИ.

Т а б л и ц а 1. Результаты анализа существительных, репрезентирующих семантическую категорию «свой» в российских текстах
[Table 1. Nouns representing semantic category of "friend" in Russian texts: Analysis results]

Лексико-семантическая группа	Лексем в группе (А; с учетом повторов)	Лексем в группе (Б; без учета повторов)	Вариативность группы (отношение Б к А в группе)	Удельный вес группы в общем кол-ве лексем (с учетом повторов)
Номинации	122	46	37,70%	10,49%
Форма и структура	70	19	27,14%	6,02%
Качества и атрибуты	183	101	55,19%	15,74%
Мотивация	257	129	50,19%	22,10%
Противопоставление	56	31	55,36%	4,82%
Деятельность	88	39	44,32%	7,57%
Взаимодействие с союзником	108	50	46,30%	9,29%
Внешние последствия деятельности (для других)	24	8	33,33%	2,06%
Внутренние последствия деятельности (для себя)	47	13	27,66%	4,04%
Взаимодействие с «чужим»	208	45	21,63%	17,88%
Суммарное количество лексем «своего» (существительное)	1163	481	41,36%	100,00%

Считаем необходимым прокомментировать данные по вариативности в рамках отдельных ЛСГ. Отношение количества уникальных лексем к общему количеству употреблений существительных, вербализующих ЛСГ семантической категории «свой», позволяет делать выводы о характере репрезентации каждой отдельно взятой группы: преобладают ли в ней единичные многогранные ситуативно обусловленные образы или тиражируемые штампы и клише. Так, ЛСГ «номинации» исследуемой семантической категории в американском корпусе вербализована вдвое меньшим количеством лексических единиц, чем в российском, при этом некоторые лексемы употребляются значительно чаще остальных (например, *rebel* – 48). Для сравнения: наиболее частотная лексема данной ЛСГ в российском корпусе (авиация) встречается 15 раз.

Отметим, что одним из факторов, объясняющих разницу в отношении уникальных лексем к общему количеству, может являться сложившаяся в языке населения США практика отказа от «неоправданного» употребления синонимов, обусловленная целями поддержания когезии и когеренции высказывания за счёт единообразия называния референта. Также высокий процент вариативности может объясняться малым абсолютным количеством лексем в группе. Так, ЛСГ «внешние последствия деятельности» американского «своего», формально характеризующаяся вариативностью 85,71%, содержит всего 1,80% от общего количества уникальных лексем в корпусе (в американском корпусе 333 уникальных существительных, из них к «внешним последствиям

деятельности» относится всего 6 единиц; однако одна единица из этих 6 встречается в корпусе дважды, поэтому абсолютное количество лексем в группе равняется 7, что и даёт высокий процент вариативности: $6/7 = 85,71\%$. Считаем, что данный аспект исследования требует дополнительной разработки.

Т а б л и ц а 2. Результаты анализа существительных, репрезентирующих семантическую категорию «свой» в американских текстах
[Table 2. Nouns representing semantic category of "friend" in American texts: Analysis results]

Лексико-семантическая группа	Лексем в группе (А; с учетом повторов)	Лексем в группе (Б; без учета повторов)	Вариативность группы (отношение Б к А в группе)	Удельный вес группы в общем кол-ве лексем (с учетом повторов)
Номинации	175	32	18,29%	20,25%
Форма и структура	152	20	13,16%	17,59%
Качества и атрибуты	114	70	61,40%	13,19%
Мотивация	210	101	48,10%	24,31%
Противопоставление	25	18	72,00%	2,89%
Деятельность	67	34	50,75%	7,75%
Взаимодействие с союзником	40	16	40,00%	4,63%
Внешние последствия деятельности (для других)	7	6	85,71%	0,81%
Внутренние последствия деятельности (для себя)	4	3	75,00%	0,46%
Взаимодействие с «чужим»	70	33	47,14%	8,10%
Суммарное количество лексем «своего» (существительное)	864	333	38,54%	100,00%

Статистический анализ имён существительных, репрезентирующих семантическую категорию «свой» в российских и американских текстах, показал, что наиболее употребительными лексемами являются:

а) в российском корпусе:

1) *удары* (72 употребления; ЛСГ – «взаимодействие с “чужим”»); пример: *В Сирии продолжают точечные удары российских самолетов по позициям исламских боевиков*);

2) *борьба* (33; «взаимодействие с “чужим”»); пример: *В настоящее время речь уже идёт о необходимости международного объединения сил перед этой угрозой, а также разрешения спорных ситуаций в ближневосточном регионе через призму борьбы с террористической опасностью*);

3) *результат* (28; «внутренние последствия деятельности»: *Методы поддержки Россией правительственных войск Сирии уже приносят результаты*);

4) *войска* (18; «форма и структура»: *Арабские СМИ сообщают об успешном наступлении правительственных войск в ряде провинций*);

5) *авиаудар* (16; «взаимодействие с “чужим”»): *Военные отчитались о первых успехах «сирийской» операции – в ходе авиаударов было уничтожено несколько значимых объектов так называемого Исламского государства*);

б) в американском корпусе:

1) *rebel*, (48 включений; «номинации»; пример: *The United States, on the other hand, has been accused of doing too little in the first years of the civil war and is now scrambling to help rebels as they face another enemy: ISIS*);

2) *group*, (39; «форма и структура»: *Assad's regime has been dropping leaflets from helicopters in Idlib province, telling residents to go to government checkpoints unarmed because their neighborhoods will be pummeled, an opposition group said*);

3) *opposition* (29; «форма и структура»: **Opposition**: *Syrian regime warns residents of «crushing blows»*);

4) *people* (29; «мотивация», «форма и структура»: *The EU condemns the excessive, disproportionate and indiscriminate attacks that the Syrian regime continues to commit against its own people, In nearby Rastan, Tamam, a resident who defected from Air Force intelligence early in the uprising against Mr. Assad, said people had defiantly reopened their shops after the attacks*);

5) *coalition* (21; «форма и структура»: *In a joint statement, a coalition made up of the United States, Britain, Turkey, France, Germany, Qatar and Saudi Arabia accused Russia of attacking the Syrian opposition and civilians, instead of fighting ISIS*).

Проведённый анализ демонстрирует количественное превосходство описательного элемента «своего» в американском корпусе текстов («номинации» и «форма и структура») и более высокую значимость содержательного элемента категории («взаимодействие с “чужим”» и «внутренние последствия деятельности») – в российском, что подтверждает выводы, полученные в отношении количественной иерархии ЛСГ.

3. Заключение [Conclusion]

В данной работе была предпринята попытка описания лексической репрезентации семантической категории «свой» посредством имени существительного в российском и американском корпусах текстов, освещающих вооружённый конфликт в Сирии, за 2015–2016 гг.

При помощи методов контент-анализа и контекстного анализа целевые существительные были выявлены и распределены по ЛСГ. Статистический анализ лексем позволил выстроить их количественную иерархию, приёмы синтеза и моделирования – создать модель семантической категории «свой», функционирующую в исследуемых русско- и англоязычных текстах, а сопоставительный анализ – определить национальную специфику реализации модели.

«Свой» – это субъект (ЛСГ «номинации» – называющая и детерминирующая лексика с положительными коннотациями: *эксперт, сила, офицер, expert, leader, rebel*). Свою деятельность он осуществляет в определённой форме (ЛСГ «форма и структура» – организованное объединение: *армия, семья, group, opposition*), ему присущи определённые свойства (ЛСГ «качества и атрибуты» – присущие положительные качества, а также признаки, свойства и атрибуты: *эффективность, инициатива, смысл, plan, exceptionalism, strategy*).

Для него неприемлем ряд негативно оцениваемых явлений (ЛСГ «противопоставление» – *кражи, убийства, гадания, fraud, fear, impoverishment*), с которым он также борется. Он является носителем определённой системы ценностей, которая обуславливает его действия (ЛСГ «мотивация» – образ предмета потребности; цели, ценности и ориентиры: *дети, безопасность, перемещение, home, nation, people*).

Он предстаёт активным деятелем (ЛСГ «деятельность» – взаимодействие с миром, как правило, поддерживающего и/или созидательного характера: *труд, работа, work, efforts*), объединяя усилия с союзником или другой актуализацией себя (ЛСГ

«взаимодействие с союзником» – помощь и взаимодействие: *поддержка, соглашение, aid, assistance*). Он реагирует определённым образом при контакте с «чужим» (ЛСГ «взаимодействие с “чужим”» – единственная ЛСГ, в которой «свой» может проявлять «агрессию»: *удары, бомбардировки, blow, strikes*).

Его деятельность приводит к положительным результатам во внешнем мире и для других (ЛСГ «внешние последствия деятельности» – достигнутая польза для других: *разрешение [конфликта], эффект, freedom, resolution*), а также для него самого (ЛСГ «внутренние последствия деятельности» – успешное достижение цели: *результат, победа, success, result*).

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Национальная специфика заключается в разной степени актуализации смыслов, выраженных в российском и американском корпусах текстов существительными, репрезентирующими ЛСГ, выделенные в рамках модели. Конкретная актуализация компонентов модели подвержена влиянию со стороны как лингвистических (сложившаяся практика референции), так и экстралингвистических факторов (прежде всего, политическая конъюнктура и позиция СМИ).

Для российского «своего» более «важна» разделяемая система ценностей и качеств (внутреннее), которая и служит по преимуществу маркером свойственности (что подтверждается доминированием содержательного элемента в лингвистической реализации категории: ЛСГ «мотивация», «взаимодействие с “чужим”» и «качества»), в то время как для американского «своего» значима внешняя граница проявления в мире (сразу после «мотивации» следует описательный элемент: ЛСГ «номинации», «форма и структура» – они же доминируют по частотности употребления отдельных лексем).

Отсюда следует, что российский «свой» при контакте ориентирован больше на эмпатию (определить, чего хочет коммуникант и каков он содержательно – ЛСГ «мотивация» и «качества и атрибуты»), а американский – на организованное взаимодействие (выявить, чего хочет коммуникант, а также – как его номинативно определить, в какой форме и с какой структурой он существует в мире – ЛСГ «номинации» и «форма и структура»).

Из этого вытекает то, что мир для российского «своего» выступает в большей степени как поле поиска себе подобных и диалога с ними, для американского «своего» мир – это скорее глобальная платформа для улучшающего воздействия, осуществляемого совместно с союзниками, которых он опознаёт по внешним признакам. Для российского «своего» более значимы действия по предотвращению деятельности «чужого», т. е. по защите себя, союзников и ценностей от посягательств.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что российский «свой» при экспликации содержания демонстрирует направленность вовнутрь, «вглубь», акцентируя содержательный элемент категории, а американский – вовне, «вширь», акцентируя её описательный элемент.

При этом и для российского, и для американского «своего» взаимодействие с «чужим» важнее взаимодействия с союзником, но у российского обе эти ЛСГ находятся выше в иерархии; роль активных действий, не связанных собственно с подавлением «чужого», ниже для российского «своего», американский «свой» более деятелен сам по себе; для российского «своего» собственная деятельность описывается в первую очередь с учётом её последствий для собственного бытия (не оцениваемое другими извне), для американского – последствий для мира (оцениваемое другими извне).

Список литературы

Аргументы и Факты // Аргументы и Факты : новости России и мира, картина дня на aif.ru.
URL: <http://www.aif.ru/> (дата обращения : 16.04.2019).

- Балашова, 2014 – Балашова Л. В. Реализация концептов "свой – чужой" в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40–50.
- Богомазова, 2015 – Богомазова В. В. Коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе: дис...канд. филол. наук : 10.02.19 / Богомазова Виктория Владимировна ; Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград, 2015. 221 с.
- Гапанович, Смольникова, 2012 – Гапанович Е. А., Смольникова Н. С. Оппозиция «свой» – «чужой» (теоретический аспект) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2012. С. 11–17.
- Гуссерль, 1997 – Гуссерль Э. Пятая картезианская медитация // От Я к Другому : Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. С. 28–44.
- Зырянов, 2017 – Зырянов М. С. Лингвистические средства реализации информационно-психологической войны // Язык и культура : сб. ст. XXVII Международной научной конференции (26–28 октября 2016 г.). Томск, 2017. С. 97–102.
- Кишина, 2009 – Кишина Е. В. Комплексное исследование категории «Свойственность – чуждость» в русском языке // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 320. С. 11–15.
- Кишина, 2011 – Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2011. № 4. С. 174–179.
- Кранышева, 2008 – Кранышева Л. А. Лингвокультурная ситуация 1950-х годов XX века (на материале рассказов советских русских писателей): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лилия Алексеевна Кранышева. Елец, 2008. 200 с.
- Лаптева, 2013 – Лаптева М. Л. «Свое» и «чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Мария Леонидовна Лаптева ; Астраханский гос. ун-т. Астрахань, 2013. 37 с.
- Лотман, 1996 – Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Лысенко, 2010 – Лысенко В. Г. Познание чужого как способ к самопознанию (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. М. : Наука, 2010. С. 90–102.
- Матвеева, 2011 – Матвеева А. А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой – чужой» (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Анна Анатольевна Матвеева. Уфа, 2011. 228 с.
- Независимая газета // Независимая газета. URL: <http://www.ng.ru/> (дата обращения : 16.04.2019).
- Поршнева, 1979 – Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. М. : Наука, 1979. 335 с.
- Российская газета // Российская газета – издание Правительства Российской Федерации. URL: <https://rg.ru/> (дата обращения : 16.04.2019).
- Синельникова, 2010 – Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 34–38.
- Степанов, 1997 – Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Храмова, 2010 – Храмова Ю. А. Концептуальная диада «лицемерие – искренность» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Юлия Александровна Храмова. Волгоград, 2010. 25 с.
- Шейгал, 2004 – Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
- CNN – Breaking News, Latest News and Videos. URL: <https://www.cnn.com/> (дата обращения : 16.04.2019).
- Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com/> (дата обращения: 16.04.2019).
- The New York Times – Breaking News, World News & Multimedia. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения : 16.04.2019).

Mikhail S. Zyryanov, Valeriya V. Kashpur, Tatiana L. Andreeva
Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

airbourne@sibmail.com, valkashpur@inbox.ru, andreeva.tl2012@mail.ru

“Friend”: Analyzing linguistic representation and modeling the category (Based on Russian and American media texts on the armed conflict in Syria)

Abstract

The article attempts to describe the lexical representation of the semantic category “friend” by means of the noun in media texts covering the armed conflict in Syria, 2015–2016. An analysis of Russian and American texts revealed 1163 and 864 nouns, respectively, which were distributed across 10 lexical and semantic groups. Based on the results obtained, an author's model of the “friend” category has been constructed and its actualizations in the Russian and American corpus of texts have been compared. The “friend” is a subject (the “nomination” LSG) that has certain characteristics (the LSGs of “form and structure”, “quality and attributes” and “opposition”) and for certain reasons (the “motivation” LSG) acts in a certain way (the LSGs of “activity”, “interaction with an ally / self” and “interaction with a ‘foe’”) with a certain result (the “external consequences of the activity” and “internal consequences of the activity” LSGs). The national specificity of the “friend” category lies in different actualization of the meanings expressed by the nouns representing the LSGs. The content explication of the Russian category is directed inwards, emphasizing its substantive aspects, while the content of the American one is explicated outwards with the descriptive aspects being emphasized. When at contact, the Russian “friend” is focused on empathy, while the American one pays more attention to the ways of organized interaction. Also the Russian one attaches more importance to preventing the activities of the “foe”, i.e. proactively defending themselves, allies and values from harm.

Keywords: “friend”, noun, model, comparison, information warfare, armed conflict, Syria.

© Zyryanov M. S., Kashpur V. V., Andreeva T. L. 2021

For citation: Zyryanov, M. S., Kashpur, V. V., Andreeva, T. L. (2021). «Svoy»: analiz yazykovoy reprezentatsii i modelirovanie kategorii (na materiale sushchestvitel'nykh, funktsioniruyushchikh v tekstakh rossiyskikh i amerikanskikh SMI o vooruzhennom konflikte v Sirii) “Friend”: Analyzing linguistic representation and modeling the category (Based on Russian and American media texts on the armed conflict in Syria)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 46–62. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62.

References

- Argumenty i Fakty [Arguments and Facts]. Retrieved April 16, 2019 from <<http://www.aif.ru/>>.
- Balashova, L. V. (2014) Realizatsiya kontseptov “svoy – chuzhoy” v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI v. [Verbalization of the “friend or foe” concepts in Russian political discourse at the beginning of the 21st century]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1 (47), 40–50.
- Bogomazova, V. V. (2015). *Kommunikativnaya kategoriya “chuzhdost’ ” v sudebnom diskurse* [The communicative category “otherness” in judicial discourse]. PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Socio-Pedagogical University.
- Gapanovich, E. A., Smol'nikova, N. S. (2012). Oppozitsiya “svoy” – “chuzhoy” (teoreticheskiy aspekt) [Opposition “friend” – “foe” (a theoretical aspect)]. In *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: Issues of philology, art history and cultural studies] (pp. 11–17). Novosibirsk : SibAK Press.

- Husserl, E. (1997). Pyataya kartezianskaya meditatsiya [Fifth Cartesian meditation]. Translated from German. In T. V. Shchittsova (Ed.), *Ot Ya k Drugomu : Sbornik perevodov po problemam intersub'ektivnosti, kommunikatsii, dialoga* [From I to the Other : Collection of translations on the problems of intersubjectivity, communication, dialogue] (pp. 28–44). Minsk.
- Zyryanov, M. S. (2017). Lingvisticheskie sredstva realizatsii informatsionno-psikhologicheskoy voyny [Linguistic representation of the information psychological war]. In S. K. Gural' (Ed.), *Yazyk i kul'tura : sbornik statey XXVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (26–28 oktyabrya 2016 g.)* [Language and Culture: Collection of articles of the XXVII International Conference (October 26–28, 2016)] (pp. 97–102). Tomsk : Tomsk State University.
- Kishina, E. V. (2009). Kompleksnoe issledovanie kategorii “Svoystvennost' – chuzh-dost' ” v russkom yazyke [Complex research of a category “own–strange” in Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 320, 11–15.
- Kishina, E. V. (2011). Semanticheskaya oppozitsiya “svoj – chuzhoy” kak realizatsiya ideologo-manipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov [The semantic opposition “own – alien” as the realization of ideological manipulative potential of political discourses]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 4, 174–179.
- Kranysheva, L. A. (2008). *Lingvokul'turnaya situatsiya 1950-kh godov XX veka (na materiale rasskazov sovetskikh russkikh pisateley)* [Linguistic and cultural situation of the 1950s (Based on the stories of Soviet Russian writers)]. PhD in Philological sci. diss. Elets : Ivanovo State University.
- Lapteva, M. L. (2013). “Svoe” i “chuzhoe” v kognitivno-diskursivnom prostranstve russkoy frazemiki [“Friend” and “foe” in the cognitive-discursive space of Russian phrasing]. PhD in Philological sci. diss. Astrakhan: Astrakhan State University.
- Lotman, Yu. M. (1996). Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Lysenko, V. G. (2010). Poznanie chuzhogo kak sposob k samopoznaniyu (popytka ksenologii) [Cognition of the other as a way to self-knowledge (an attempt at xenology)]. In A. A. Guseynov, A. V. Smirnov, B. O. Nikolaichev (Eds), *Rossiya v dialoge kul'tur* [Russia in the dialogue of cultures] (pp. 90–102). Moscow : Nauka Press.
- Matveeva, A. A. (2011). *Otsenochnaya parametrizatsiya lingvokul'turologicheskoy kategorii «svoj – chuzhoy» (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Evaluation parametrization of the linguoculturological category “friend-or-foe” (Based on modern English)]. PhD in Philological sci. diss. Ufa : Bashkir State University.
- Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]. Retrieved April 16, 2019 from <<http://www.ng.ru/>>.
- Porshnev, B. F. (1979). *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social psychology and history]. 2nd ed. Moscow : Nauka Press.
- Rossiyskaya gazeta [Russian Newspaper]. Retrieved April 16, 2019 from <<https://rg.ru/>>.
- Sinel'nikova, L. N. (2010). Kommunikativnye modeli oppozitsionnogo politicheskogo diskursa [Communicative models of oppositional political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1 (31), 34–38.
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Khramova, Yu. A. (2010). *Kontseptual'naya diada “litsermerie – iskrennost' ” (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Conceptual dyad “hypocrisy – sincerity” (Based on Russian and English)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Pedagogical University.
- Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow : Gnozis Press.
- CNN – Breaking News, Latest News and Videos. Retrieved April 16, 2019 from <<https://www.cnn.com/>>.
- Los Angeles Times. Retrieved April 16, 2019 from <<https://www.latimes.com/>>.
- The New York Times – Breaking News, World News & Multimedia. Retrieved April 16, 2019 from <<https://www.nytimes.com/>>.